

УДК 94(47).084

ББК 63.3(2)6–4

В.С. Брачев

ИСТОРИК ВЛАДИМИР НИКОЛАЕВИЧ КАШИН (1890–1938)

Статья посвящена исследованию жизненного пути и научного творчества одного из крупнейших специалистов по социально-экономической истории России XVIII – первой половины XIX веков Владимира Николаевича Кашина. Выяснен вклад ученого в науку и его положение в сообществе историков-марксистов Ленинграда второй половины 1920-х – середины 1930-х годов. Установлены причины и обстоятельства арестов ученого в 1933 и 1937 годах, характер предъявленных ему обвинений и расстрельного приговора.

Ключевые слова:

В.Н. Кашин, Ленинградский университет, Ленинградское отделение института истории, история России XVIII–XIX веков, марксистская историография 1920–1930-х годов, политические репрессии в СССР.

Брачев В.С. Историк Владимир Николаевич Кашин (1890–1938) // Общество. Среда. Развитие. – 2019, № 2. – С. 3–9.

© Брачев Виктор Степанович – доктор исторических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет; e-mail: V.Brachev@yandex.ru

Несмотря на публикацию в 2006 году Р.Ш. Ганелиным специальной подборки документов о «деле» Владимира Николаевича Кашина [1] и его же вступительной статьи о нём [6, с. 7–51], дальнейшей разработки эта тема не получила. А между тем, трагическая судьба и научное творчество ученого – одна из интереснейших страниц советской исторической науки 1920-х – 1930-х годов.

Родился В.Н. Кашин в 1890 году (число и месяц не установлены) в Тифлисе. Сын личного дворянина. Мать В.Н. рано умерла. Отец же переехал в конце 1890-х годов в Томск, где служил делопроизводителем в управлении местной железной дороги. Умер он в 1900 году. На чьём попечении и в какой семье оказался мальчик после смерти отца, мы не знаем. Зато известно, что во время обучения в Томском реальном училище он уже помогал, по его словам, «местной организации РСДРП, был одним из членов местного руководства учащихся средней школы, участвовал в городской самообороне во время погрома в октябре 1905 года, вел работу в кружках, хранил литературу, документы, иногда оружие» [1, с. 52].

26 июня 1906 года В.Н. Кашин был задержан в лагере Томского военного гарнизона во время раздачи солдатам листовок

революционного содержания. В результате он был отдан под суд, но как несовершеннолетний оправдан и продолжил обучение в училище. Однако революционной деятельности не прекратил, за что в мае 1907 года был исключен из него и выслан из города.

Обосновавшись в Челябинске, продолжил подпольную революционную работу, вновь подвергся аресту (15 июля 1907 г.) и определением Саратовской судебной палаты приговорен к четырем годам каторжных работ, замененных ему ссылкой в Сибирь (деревня Бельская, Пинчугской волости, Енисейской губернии) [1, с. 63]. В августе 1909 года бежал в Центральную Россию, откуда в 1910 году перебрался в Финляндию. Сам В.Н. Кашин весь этот период с 1905 по 1910 годы связывал с пребыванием в Российской социал-демократической рабочей партии (меньшевиков).

В Россию он вернулся в 1917 году после Февральской революции и после некоторых колебаний вступил весной 1918 года в Красную Армию, в рядах которой прослужил до 1926 года «работая, – по его словам, – по просветлинии при политотделах, в дальнейшем на разных должностях (преподавателем и т.п.) в военных школах, курсах и т.д.» [1, с. 64].

4 | В 1923 году после окончания экстерном факультета общественных наук Петроградского университета был оставлен при кафедре русской истории для подготовки к профессорскому званию и определен в качестве сотрудника Исторического исследовательского института при университете. В 1927 году он уже научный сотрудник Ленинградского института марксизма-ленинизма, преобразованного в 1929 году в Ленинградское отделение Коммунистической Академии. С ноября 1929 года по ноябрь 1930 года В.Н. работал в качестве хранителя рукописного отдела Библиотеки Академии наук СССР [5, с. 321]. С 1931 года – научный сотрудник историко-бытового отдела Русского музея. В 1932 году В.Н. назначен заместителем директора по научной работе. Под его руководством здесь была подготовлена большая выставка «Феодално-крепостная Россия XVII–XVIII в.в.». В этом же году В.Н. был избран действительным членом Государственной Академии истории материальной культуры. [1, с. 53–54].

21 января 1933 года В.Н. был арестован у себя на квартире по ул. Лахтинская (Луначарского), д. 14, кв. 20, где он проживал вместе с женой Кабардиной Ксенией Николаевной и сыном Георгием, 1926 г.р. [1, с. 83]. При обыске у него была обнаружена листовка с программой некоей подпольной контрреволюционной молодежной организации «Путь Ленина».

«За что мы боремся? Наши требования, – читаем мы здесь, – 1). Произвести реорганизацию Политбюро ЦК ВКП(б) и соответствующие изменения в высших советских организациях; 2). Отстранить Сталина и некоторых других членов Политбюро от политической работы. Ввести в Политбюро часть бывших членов, а также руководителей ВКП(б) – «Путь Ленина». Полностью восстановить внутривнутрипартийную демократию <...>. Абсолютно не применять никаких репрессий и нажимов на тех членов партии, которые в период дискуссии не были согласны с большинством. После принятия решения все без исключения должны ему подчиняться; 3). После реорганизации Политбюро через два месяца, полностью ликвидировать голод...» и т.д. и т.п. [1, с. 68–69].

Антисоветский характер этого документа очевиден. Возникает вопрос: откуда В.Н. его взял? Листовку, по его словам (допрос 25 января 1933 года), он получил от Ивана Захаровича Савицкого (студента рабфака Института прядильных культур, где В.Н. подрабатывал, читая историю классовой борьбы), с просьбой дать ему свое заключение о ней [1, с. 66].

Что касается В.Н., то в вину ему было поставлено «идейное руководство контрреволюционной организацией «Путь Ленина», редактирование её «основных политических документов» и активная контрреволюционная пропаганда [1, с. 79–80].

Обвинение, как видим, серьёзное и срок ему, судя по всему, грозил немалый. Однако судебным постановлением коллегии ОГПУ от 8 мая 1933 года уголовное дело в отношении В.Н. и ещё 16 человек совершенно неожиданно было прекращено, и все они были освобождены [1, с. 86].

К счастью для В.Н., история с арестом и предварительным заключением (чуть больше трёх месяцев) мало отразилась на его служебной и научной карьере. Правда, из Русского музея ему пришлось уйти, но зато осталась Государственная Академия истории материальной культуры, где он начал работать незадолго до ареста. А с 1934 года В.Н. был приглашен на работу сразу в два крупнейших научных учреждения Ленинграда: в Историко-археологический институт (с 1936 г. Ленинградское отделение института истории АН СССР) и в Ленинградский университет в качестве профессора кафедры истории народов СССР только что открывшегося исторического факультета. В Историко-археологическом институте В.Н. возглавил сектор истории России XVIII – первой половины XIX веков. А на истфаке университета ему было поручено чтение лекций по социально-экономической истории России XVIII–XIX в.в., а также спецсеминар по петровскому времени [13, л. 4].

Научные интересы В.Н. Кашина – социально-экономическая история России XVIII – первой половины XIX веков определились ещё в середине 1920-х годов под влиянием его университетских учителей Б.Д. Грекова и особенно А.И. Заозерского, в семинаре которого он, собственно, и сформировался как учёный. В 1925 году появилась в свет первая научная публикация В.Н. – «300 лет накопления земельных богатств родом князей Юсуповых» [5, с. 216–239].

В следующем 1926 году был напечатан очерк В.Н. Кашина «Консервативный сверстник декабристов (князь Б.Н. Юсупов)» в журнале «Былое» [6, с. 14–39] и большая статья «Экономический быт и социальная дифференциация крепостной деревни в первой половине XIX века» в журнале «Звезда» [11]. В 1930 году увидела свет ещё одна статья В.Н. – «Землевладение крепостных крестьян» в сборнике «Крепостная Россия» [10, с. 181–242].

Несомненным научным успехом ученого следует признать публикацию им в 1933 году результатов своих разысканий о кре-

постных крестьянах-землеладельцах накануне крестьянской реформы 1861 года в «Известиях Академии наук СССР» [7]. Интерес историков к этой публикации оказался настолько велик, что потребовалось её переиздание (причем дважды: в 1934 [8] и 1935 [9] г.г.) в виде сброшюрованных отписок статьи.

В конце 1932 года, как уже отмечалось, В.Н. начинает работать в «феодалном» секторе Государственной Академии истории материальной культуры. Тема, которой пришлось здесь заняться В.Н. – история крестьянской железоделательной промышленности XVI–XVIII веков, пришлась ему по душе. Свидетельство тому – публикации по теме, осуществленные ученым в 1934–1935 г.г. в издании ГАИМК «Проблемы истории докапиталистических формаций»: «Крестьянская железоделательная промышленность на побережье Финского залива по писцовым книгам 1500–1504 г.г.» [14, с. 12–54], «Железодельная промышленность Кузнецкого края в XVII–XVIII веках» [15, с. 79–110], «Тульская оружейная слобода в XVII веке» [16, с. 111–141].

В этом же ключе и широко задуманная ученым документальная публикация «Материалы по истории крестьянской промышленности XVIII – первой половины XIX веков», правда уже не по линии ГАИМК, а Историко-археографического института АН СССР. Первый том её был опубликован в 1935 году под редакцией, с комментариями и обстоятельным предисловием В.Н. и содержит богатый документальный материал по кожевенному, шляпному, канатному и красильному производствам, а также железоделательной и железообрабатывающей промышленности [12].

Так как рукописи неоконченных монографий, над которыми трудился В.Н. Кашин, были уничтожены сотрудниками НКВД после его расстрела [4, с. 17], судить о том, насколько значимым событием в науке могла бы стать их публикация, мы не можем. Одно несомненно: абсолютно прав был Б.Д. Греков, охарактеризовавший в марте 1937 года В.Н. как «работника большого масштаба» [1, с. 139]. К этому времени В.Н. Кашин действительно был уже вполне состоявшимся, серьезным ученым, свидетельством чему стало присуждение ему в 1935 году ученой степени доктора исторических наук.

Появились у него и первые аспиранты – А.Л. Шапиро, Т.К. Крылова, Р.И. Козинцева, С.К. Хворостин, М.П. Лездина. Серьезные изменения произошли в это время и в личной жизни В.Н. В 1935 году умерла его жена К.Н. Кабардина, и в сентябре 1936 года он женился на 33-х летней сотрудни-

це Ленинградского отделения Института Истории К.Н. Сербиной (1903–1990). Однако прочным его положение как бывшего меньшевика в сообществе ленинградских историков-марксистов, как показали дальнейшие события, не было.

Начало им было положено дикой, в буквальном смысле, историей, случившейся с ним 11 февраля 1937 года на семинаре в университете для студентов 4 курса истфака (Ванцевич, Кукуричи, Соловьев, Муравьев и Грациани), закончившейся его увольнением, последующим арестом и расстрельным приговором.

Речь идёт об ответе профессора на невинный, казалось бы, вопрос, заданный ему старостой семинара Ванцевичем: «Почему в литературе, в частности, у Ключевского, говорится о том, что дворянство было недовольно политикой Петра, роптало, в то время как Петр проводил дворянскую политику?» На это В.Н. Кашин совершенно правильно ответил, что «не всегда задачи, стоящие перед классом понимаются всем классом, а понимаются передовой частью класса». Этим ему, видимо, и следовало ограничиться. Но профессора, как говорится, неожиданно «понесло», и он пустился в пространные разъяснения своей нехитрой мысли на примерах советской действительности времён Гражданской войны.

«Посмотрим, говорит, в примерах нашей советской действительности, хотя бы 10 лет тому назад. Он сказал, – свидетельствовал позже Ванцевич, – что если бы дворянство в массе своей понимало (свои задачи – Б.В.) так как рабочий класс 10 лет тому назад, то оно не роптало бы, как не роптал рабочий класс <...>. О крестьянстве. Разве за Сталиным шло все крестьянство? Если это сказать, то это будет чепуха. Крестьянство в массе своей шло за белыми генералами. Но благодаря тому, что белые генералы не смогли удовлетворить их, они переходили на сторону советской власти. На всех студентов все эти примеры произвели тяжелое впечатление.

Кашин тогда сказал, что рабочий класс – сознательный, он даже строил социализм, будучи голодным. Затем перешел к примерам из жизни Красной Армии. Говоря о героической борьбе Красной Армии, говорил о том, что целые дивизии и полки переходили на сторону белых, а потом уже поодиночке и малыми группами возвращались обратно. (Таким образом, получается, что масса несознательна.) Затем перешел к личным воспоминаниям о том, что его полк перешел на сторону белых. (Кашин спасся потому, что его рота шла последней). вполне понятно, что все эти аналогии ведут к определенной концепции» [1, с. 95–96].

Конечно же, говорить студентам такие вещи в советском вузе, да еще и образца 1937 года (год начала «Большого террора 1937–1938 г.г.»), было в положении В.Н. Кашина как бывшего меньшевика (о его аресте в начале 1933 года тоже не следует забывать) верхом безрассудства. Ведь не зная о том, что происходит в стране, как впрочем и о массовых арестах среди университетской и академической профессуры, он не мог. Наша версия случившегося заключается в том, что, как и большинство его коллег историков-марксистов, скорее всего, он думал – все это не про него. И жестоко ошибся.

Крайне неприглядно повели себя в этой ситуации студенты В.Н. Обсудив после окончания семинара непривычные для них пояснения профессора, студенты сошлись, по словам Ванцевича, в конце концов, на том, что «это не то что нужно, что это не наша установка, не наша концепция» [1, с. 97] и уже на следующий день 12 февраля, собравшись в комнате общежития, они опять «потолковали между собой» и решили все-таки поставить в известность о случившемся руководство факультета. «13-го встретились с Соловьевым, подписали заявление и отнесли в деканат». Инициатором письменного обращения или, проще говоря, доноса студентов на своего профессора был Кукуричи [1, с. 98].

Советовались ли студенты, прежде чем отнести свое заявление в деканат, с партийным бюро факультета сказать наверняка сегодня нельзя. Хотя, скорее всего, что да. Во всяком случае, вскоре выяснилось, что прикрывать В.Н. Кашина на факультете (декан проф. А.К. Дрезен) некому, и делу о его антисоветских высказываниях на семинаре 11 февраля был дан ход. 27 февраля 1937 года заявление студентов было обсуждено на кафедре истории СССР (заведующий кафедрой академик Б.Д. Греков). Как того и следовало ожидать, она осудила высказывания В.Н., но вопроса о его увольнении не поставила.

Не удовлетворившись этим, противники и недоброжелатели В.Н. на факультете настояли на повторном обсуждении его вопроса. Состоялось оно 10 марта 1937 года. Стремясь во что бы то ни стало защититься от предъявленных ему обвинений в антисоветизме, В.Н. по обыкновению наговорил много лишнего, вроде того, что в годы Гражданской войны И.В. Сталин еще не был вождем Коммунистической партии (им был Ленин). Сталин же в это время был только военным вождем. Этим тут же воспользовались недруги ученого, обвинившие его, помимо политических

ошибок, уже и в клевете на признанного вождя Коммунистической партии и Советского государства [1, с. 96].

Стенограмма заседания кафедры не велась, но известно, что наиболее резко против В.Н. Кашина выступили профессор С.В. Вознесенский и доцент Г.В. Абрамович. Характерно, что они не только настаивали на антисоветском, троцкистско-меньшевистском характере высказываний В.Н., но и требовали его увольнения из университета [1, с. 123]. Чем руководствовался, выдвигая против своего коллеги столь страшное обвинение, доцент Г.В. Абрамович, мы не знаем. Другое дело, профессор С.В. Вознесенский. По свидетельству старшего лаборанта кабинета истории СССР истфака С.И. Мухина, резкость выступления профессора определялась не только общественными мотивами, но ещё и его личной неприязнью к В.Н., т.к. они и до этого «не ладили между собой» [2, л. 93–94]. В результате В.Н. был всё-таки уволен из университета, и дело о его «антисоветских» высказываниях, казалось бы, вполне можно было «списать в архив».

Но этого, к сожалению, не произошло, т.к. им неожиданно заинтересовались по месту основной работы ученого – в Ленинградском отделении Института Истории АН СССР, причем явно не по инициативе его руководства в лице академика Б.Д. Грекова, который, как мы знаем был одним из учителей В.Н. 14 марта 1937 года здесь была образована специальная комиссия по рассмотрению дела В.Н. Кашина в составе: С.Н. Валка, М.П. Вяткина, М.А. Коростовцева (председатель), У.А. Шустера, Кузнецовой и В.В. Струве. В течение нескольких дней она провела собеседование с четырьмя участниками семинара В.Н.: Соловьевым, Ванцевичем, Муравьевым и Грациани (пятый – Кукуричи, не явился). Задачу свою комиссия видела в том, что бы «установить точные формулировки» высказываний В.Н. на университетском семинаре 11 февраля 1937 года. Это ей, понятное дело, не удалось. Но общий смысл их она, по словам М.А. Коростовцева, все-таки уловила, расценив их, как «грубую» политическую ошибку «троцкистско-меньшевистского характера» [1, с. 98–99], о чем и было доложено её председателем 21 марта 1937 года на общем собрании (59 человек) сотрудников института и ряда приглашенных лиц.

После ответов М.А. Коростовцева на вопросы из зала председательствующий У.А. Шустер предложил высказаться самому В.Н. «Никак не могу согласиться с тем, – заявил В.Н., – что на занятии семинара 11.02. я мог в здравом уме и твердой

памяти, после 20-и летней советской работы в гораздо более тяжелой обстановке (в смысле ответственности на мне лежащей), чтобы теперь, придя на семинар к этим пяти студентам, сразу бы выложил то, что можно считать даже не контрреволюционной теорией, а букетом контрреволюционных утверждений» [1, с. 104–105].

На самом деле, уверял собравшихся В.Н., студенты не так его поняли, в чем, безусловно, есть и его вина. «Я, – заявил он, – не должен был давать такие примеры, которые могут привести к заблуждению» и следовательно, с его стороны в данном случае это был большой «педагогический промах». «Я говорю, что если взять голые факты, – заявил дальше В.Н., – то картина такая. Я утверждаю, что ничего контрреволюционного студентам сказать не мог, что никакой контрреволюционной пропаганды, в сущности фашистской пропаганды, то, что мне приписывается, это даже не троцкизм, это прямо фашизм, я не мог вести» [1, с. 112–113].

Инспирированность обвинений против В.Н. очевидна. Можно поэтому предположить, что надежда на благоприятный исход дела (по крайней мере, хотя бы с точки зрения оставления его в институте) у него, все-таки, была. Но уже первые выступления собравшихся показали ему призрачность этих надежд. Всего в прениях выступило 20 человек: Г.В. Абрамович, Н.А. Аникин, С.А. Анненский, С.А. Антонов, Ванцевич, В.Ф. Гейман, В.Ю. Гессен, В.Г. Гуляев, Б.Д. Греков, М.В. Джервис, М.А. Коростовцев, Г.Е. Кочин, Ш.М. Левин, И.В. Мешалин, А.И. Молок, А.В. Пруссак, П.Г. Спирченко, В.В. Струве, С.К. Хворостин, У.А. Шустер.

Но только немногие из них: Б.Д. Греков, А.В. Пруссак, Г.Е. Кочин, С.К. Хворостин попытались защитить В.Н. Кашина, протянуть ему руку помощи.

Характерен в этом плане Б.Д. Греков. «Мы знаем, – заявил он, – Владимира Николаевича давно и с хорошей, и с плохой стороны. Мы всегда считали его работоспособным, он работал много и мы – члены института истории – должны признать, что это работник большого масштаба. Я допускаю, что могли быть ошибки, но это ошибки обычного характера, не выходящие за пределы какого либо злого умысла, и это нужно принять во внимание <...>. Мне думается, поскольку я знаю весь облик мыслей Владимира Николаевича, что специально злого умысла не было. Я и на кафедре это говорил, и кафедра целиком на этой точке зрения стояла, что никаких данных для того, что бы придти к такому заключению, что здесь был какой-нибудь умысел, нет» [1, с. 139–140].

Прислушайся собрание к Б.Д. Грекову, и скорее всего Кашину удалось бы сохранить место в институте и избежать ареста. Но в том-то и дело, что характер выступлений на собрании сотрудников института определяла не его администрация, а явившиеся сюда секретарь парткома ленинградских академических учреждений, бывший сотрудник ОГПУ Степан Андреевич Антонов и двое «товарищей» из Института русской литературы (скорее всего члены парткома) Андрей Иванович Аникин и Василий Георгиевич Гуляев, требовавшие решительного осуждения «контрреволюционного», «антисоветского» выступления В.Н. Кашина и его увольнения.

Но Антонов и Гуляев – это, все же, посторонние Институту Истории лица. Что же касается «своих», то наибольшей резкостью по отношению к В.Н. Кашину отличались выступления Г.В. Абрамовича и А.И. Молока. Характерен здесь А.И. Молок: «Меня речь проф. Кашина не убедила. Я не буду говорить – сознательно либо не сознательно он это сделал, но цель налицо, и то, что было 11.02 в университете, нельзя квалифицировать иначе, как антисоветский поступок и контрреволюционные формулировки» [1, с. 114–115].

«Вы признаете, – заявил, обращаясь непосредственно к Кашину Г.В. Абрамович, – педагогическую, а не политическую ошибку, и поэтому ошибка перерастает в преступление, перерастает именно в пропаганду – единственный вывод, который можно только сделать. И я еще больше убеждаюсь, что вам, с вашими взглядами на все важнейшие вопросы современности, нельзя руководить студентами, аспирантами» [1, с. 124].

Крайне неприглядную роль в ходе прений по «делу» В.Н. Кашина сыграли студенты Ванцевич и Соловьев, без зазрения совести «топившие» своего профессора. «Это выступление именно контрреволюционное, антисоветское», – заявил, в частности, Ванцевич [1, с. 122]. В таком же ключе было и выступление Соловьева: «Человек наделал грубейшие политические ошибки, сделал контрреволюционное выступление и не хочет в нем сознаться. Он вертится, юлит, он доказывает, что он прав, а все другие говорят неправду. Говорят неправду студенты, говорит неправду кафедра. Он доказывает, что он только прав. Что это за постановка вопроса <...>. Нам по 24–25 лет. Мы имеем твердые политические убеждения, мы уже граждане Советского Союза и можем отвечать за наши политические убеждения. Если Кашин сказал что-либо неправильно об эпохе Петра, мы

8 | могли этого не понять. Но когда он простые, злободневные явления, касающиеся наших политических взглядов, освещает так, что нет ничего общего с тем подходом к современности, какой у нас должен быть, мы это замечаем» [1, с. 125].

В результате, практически все выступавшие, вынуждены были, пусть и с разной степенью тональности, но все же, осудить антисоветский характер выступления В.Н. Кашина на семинаре в университете, что в принципе не давало ему, можно сказать, никаких шансов на благополучный исход дела.

И действительно, по инициативе С.А. Антонова была принята предложенная им резолюция, констатировавшая: 1). Факт «контрреволюционного выступления» В.Н. Кашина на семинаре в университете (56 голосов – «за», трое – воздержались); 2). Несовместимость этого выступления «со званием советского ученого» (59 – «за», воздержавшихся – нет); 3). Необходимость доведения об этом решении до дирекции института и Президиума АН СССР (58 – «за», 1 – воздержался) [1, с. 173–174].

Если первый пункт открывал дорогу к аресту В.Н. Кашина, то второй и третий, можно сказать, прямо обзывали дирекцию к его увольнению из института. И того, и другого ждать долго не пришлось. Собрание коллектива ЛОИИ, напомним, состоялось 21 марта 1937 года, а уже 13 апреля последовало его увольнение из института. 15 (по другим данным 14) апреля В.Н. Кашин был арестован у себя на квартире по Лахтинской улице, дом 4, где он проживал с новой женой и сыном от первого брака Георгием [1, с. 185].

Была ли история с неудачным выступлением В.Н. на университетском семинаре 11.02.1937 года действительной причиной ареста ученого, или это был только повод для него, не совсем ясно. Дело в том, что в ходатайстве о продлении срока следствия по делу В.Н. (июнь 1937 года) есть упоминание о том, что «до последнего времени» он, якобы протаскивал в научной работе «троцкистско-меньшевистские установки, высказывал студентам контрреволюционные взгляды», в связи с чем был арестован и заключен под стражу [1, с. 198]. Однако на самом деле после ареста В.Н. Кашина было предъявлено совсем другое и куда более серьезное обвинение о принадлежности к троцкистско-зиновьевской организации, по которой проходили в 1936 году С.Г. Томсинский и И.М. Троцкий. Так что, по нашему мнению, это был, скорее всего, только повод для ареста.

Правда, понимая чем ему грозит это обвинение, В.Н. держался твердо и на предъ-

явленное ему в ходе первого допроса (17 апреля) требование «правдиво» рассказать о своей контрреволюционной деятельности заявил: «никакой контрреволюционной деятельности я не вел, и ни с кем из участников контрреволюционной троцкистско-зиновьевской организации, кроме знакомства по совместной работе, никаких связей не поддерживал» [1, с. 187]. Отрицал В.Н. свою принадлежность к троцкистско-зиновьевской организации и на допросе 3 июня 1937 года.

Отсутствие каких-либо серьезных материалов о причастности В.Н. к троцкистско-зиновьевской организации натолкнуло следователей на мысль обратиться к старому делу ученого 1933 года о принадлежности его к «меньшевистской» организации «Путь Ленина», и уже 7 июня 1937 года он вынужден был признать себя её членом, решительно отказываясь, однако, от признания своей руководящей роли в ней [1, с. 195].

Поскольку «работавшие» с В.Н. следователи П.Г. Дроздецкий, Е.П. Колодяжный, Г.Г. Карпов известны по другим делам как активно применявшие т.н. «незаконные» методы ведения следствия и жестоко избивавшие подсудимых [2. л. 269], то о причине его признательных показаний догадаться нетрудно. Далеко не случайным в этой связи следует признать и случившееся как раз в это время помрачение рассудка (реактивный психоз) В.Н., о чем свидетельствует акт его медицинского обследования от 1 июля 1937 года. В результате 10 июля следствие по его делу было приостановлено, а сам он направлен для излечения в психбольницу [1, с. 198].

Тем не менее, уже в начале ноября 1937 года в связи с выздоровлением В.Н. следствие по его делу было продолжено, а в конце этого же месяца ему уже было предъявлено обвинительное заключение [1, с. 207].

В 1932–1933 годах, говорится в нем, органами ОГПУ в Ленинграде была ликвидирована контрреволюционная меньшевистская организация, именовавшая себя «Путь Ленина», которая ставила своей целью «совершение государственного переворота и реставрацию капитализма в СССР». В 1933 году участники этой организации были осуждены. В 1937 году, следствие по этому делу было произведено вторично, причем, в ходе его выяснилось, что руководители организации «Путь Ленина» скрыли в 1933 году «практическое обсуждение террористических методов борьбы против руководителей ВКП(б) и Соввласти», а так же целый ряд её учас-

тников, в том числе и В.Н.Кашина. Свою связь с осужденными С.Г. Томсинским и И.М. Троцким он отрицает, но полностью изобличается их показаниями.

Что касается обвинений, непосредственно выдвинутых здесь против В.Н. (статьи 58–8 и 58–11), то они свелись к следующему:

«а) входил в состав руководящего ядра контрреволюционной меньшевистской организации молодежи,

б) участвовал в составлении программы организации,

в) ориентировал контрреволюционную организацию на более активные методы борьбы с руководством ВКП(б) и Соввласти,

г) имел контрреволюционную связь с участниками троцкистско-зиновьевской террористической организации».

В.Н. Кашин, говорится далее в этом документе, виновным себя признал, хотя факт террористических замыслов и контрреволюционную связь с участниками троцкистско-зиновьевской террористической организации – отрицает, но изобличается материалами следствия. На основании

изложенного следственное дело № 32231–37 г. по его обвинению подлежит направлению на рассмотрение Военной Коллегии Верховного Суда СССР в порядке закона от 1.12.1934 года [1, с. 208].

17 февраля 1938 года Обвинительное заключение было утверждено заместителем военного прокурора РККА дивизионным военным юристом А.Р. Гродко и в этот же день принято к производству. Само заседание выездной сессии Верховного Суда СССР прошло 18 февраля 1938 года в Ленинграде под председательством корвенеюриста И.О. Матгуевича. На дежурный вопрос председательствующего, признает ли он свою вину, В.Н. Кашин ответил, что признаёт и в своём «последнем слове» просил о снисхождении к нему. Но суд, как того и следовало ожидать, не внял его просьбе и приговорил В.Н. Кашина к расстрелу. В этот же день, 18 февраля 1938 года, приговор был приведён в исполнение [1, с. 212].

Так закончилась жизнь видного, и что самое важное, многообещающего в научном плане историка-марксиста Ленинграда 1930-х годов.

Список литературы:

- [1] «Что вы делаете со мной!». Как подводили под расстрел. Документы о жизни и гибели Владимира Николаевича Кашина / Сост., вступ. ст., прим. Р.Ш. Ганелина. – СПб.: Нестор-история, 2006. – 271 с.
- [2] Архив УФСБ РФ по Санкт-Петербургу и Ленинградской обл. – Д. № П-19801 (Дело по обвинению Шебунина Александра Николаевича и др.). – Т. 6.
- [3] Российская Биографическая Энциклопедия «Великая Россия». Том 13 / Под ред. проф. А.И. Мелуа. Предс. Набл. Совета поч. проф. Я.Я. Голко. Биографический словарь сотрудников Библиотеки Российской академии наук / Гл. ред. – составитель В.П. Леонов. Книга 1. – СПб.: Гуманистика, 2014. – 568 с.
- [4] Ганелин Р.Ш. В.Н. Кашин и его судьба // «Что вы делаете со мной!». Как подводили под расстрел. Документы о жизни и гибели Владимира Николаевича Кашина / Сост., вступ. ст., прим. Р.Ш. Ганелина. – СПб.: Нестор-история, 2006. – С. 7–51.
- [5] Кашин В.Н. 300 лет накопления земельных богатств родом князей Юсуповых // Труд в России. Исторический сборник. Кн. 2–3. – Л.: Издательство Ленинградского губпросвета, 1925.
- [6] Кашин В.Н. Консервативный сверстник декабристов (князь Б.Н. Юсупов) // Былое. – 1926, № 1(35). – С. 17–41.
- [7] Кашин В.Н. Крепостные крестьяне-землевладельцы накануне реформы (представлено академиком В.П.Волгиным) // Известия АН СССР. 7 серия. Отделение общественных наук. – 1933, №8. – С. 541–590; № 9. – С. 655–703.
- [8] Кашин В.Н. Крепостные крестьяне-землевладельцы накануне реформы. – Л.: Издательство АН СССР, 1934. – 92 с.
- [9] Кашин В.Н. Крепостные крестьяне-землевладельцы накануне реформы. – Л.: Коминтерн.1935. – 116 с.
- [10] Кашин В.Н. Землевладения крепостных крестьян // Крепостная Россия. Сборник статей (Ленинградское отделение Коммунистической академии. Институт истории). – Л.: Прибой, 1930.
- [11] Кашин В.Н. Экономический быт и социальная дифференциация крепостной деревни в первой половине 19 века // Звезда. – 1926, № 1. – С. 169–188; № 2. – С. 176–186; № 4. – С. 162–182.
- [12] Крестьянская промышленность 18 – первая половина 19 вв. // Материалы по истории крестьянской промышленности 18 – первой половины 19 в. Том 1 (Труды Историко-археологического института. Том 16). – М.–Л.: Издательство АН СССР, 1935. – 427 с.
- [13] Объединенный архив Санкт-Петербургского государственного университета. – Ф. 1, оп. 3, д. № 1346 (В.Н. Кашин).
- [14] Проблемы истории докапиталистических обществ. Ежемесячный журнал / Под общ. ред. Н.Я. Марра. – М.–Л.: ОГИЗ, 1934, № 4 (апрель).
- [15] Проблемы истории докапиталистических обществ. Ежемесячный журнал / Под общ. ред. Н.Я. Марра. – М.–Л.: ОГИЗ, 1934, № 9–10 (сентябрь–октябрь).
- [16] Проблемы истории докапиталистических обществ. Ежемесячный исторический журнал Государственной академии истории материальной культуры / Отв. ред. Ф.Е. Кипарисов. – М.–Л.: ОГИЗ – Государственное социально-экономическое изд-во. 1935, № 1–2.